

Twig

Арка первая: Прополка

Глава девятая: Опасная игра.

– Мэри, я не стану разговаривать с тобой, пока ты себя так ведёшь.

– Я напугана! А я никогда не боялась! И Вы не отвечаете на мои вопросы, из-за чего мне...

– Мэри.

– ...не становиться лучше!

Я изменил позицию и упёрся спиной. Сейчас, когда я был достаточно близко, чтобы услышать, коробка с файлами на моих коленях окончательно промокла. Слова были заглушены стеной, но я мог различить, кто говорит. Перси, как мне кажется, говорил очень тщательным, взвешенным тоном.

Мэри показывала больше эмоций в слове, которое ей дал я, которое поднималось в течение всей нашей с ней беседы.

Дождь лился на меня и я убрал волосы со своего лица назад, к счастью они были достаточно мокрыми, чтобы не вернуться самым неудобным образом. Я полностью промок и представлял, как текст с файла за моим поясом, у спины, отпечатался на мне.

Всё было не так, но я всё равно это представлял.

Участками новой кожи, которые были по всему телу, я чувствовал капли дождя как круги льда. Каждая капля посылала сигнал боли по моим нервам, прежде чем исчезнуть уже в следующую секунду.

Я передвинулся, упираясь рукой в выступающую раму окна, и скользнул под торчащую драпку, чтобы защититься от дождя. Это помогло.

Кукловод заговорил, – Мэри. Я говорил тебе быть готовой ко всему, говорил, что Академия обязательно отреагирует. Ты отлично справилась, очень быстро и аккуратно их вычислила. Я горжусь тобой.

– Ничего особенного. Неожиданно появившаяся группа детей? Просто нужно было наблюдать за ними. Мальчики...

– Мальчики, – сказал он, задав слову иной тон. Похоже, он хотел акцентировать на нём внимание.

– Они сделали основную работу, нашли группу из Академии.

– Я всё равно горжусь тобой, Мэри, – сказал он. Затем была пауза, некомфортная, длинная.

Мне пришлось бороться с желанием заглянуть в окно. Кукловод продолжил, его голос был тихим и успокаивающим, как если бы он говорил с младенцем, – Теперь глубоко вдохни. Вдохни... выдохни. Вот так. Слёзы ушли, причёска поправлена, и ты больше не краснеешь. Чувствуешь себя лучше?

– Немного.

– Мы знали, что они пошлют кого-то или что-то. Я предупреждал тебя быть готовой ко всему.

– Я думала, что это будет... один из инструментов, о которых говорили в Академии. Пёс или Ловец, или человек с руками. Что-то вроде того. Я ожидала монстров, я не...

– Ты не?... – спросил кукловод, подгоняя Мэри.

– Я не была готова к тому, что они будут такими.

Мои брови уже высоко поднялись.

Пёс и Ловец были довольно известны, поскольку их видели в городе, но я был удивлён «человеком с руками». Это явно файл Палач из Академии и этот файл чертовски секретен. Настолько, что даже я не знал о нём, пока не начал интересоваться тем, что за особенный проект Студийный Дом собрал и убрал с моего пути.

Может, и маленькие клоны занялись разведкой во время экскурсии Мотмонта в Академию?

– Ты очень даже жива, Мэри, а всё могло бы сложиться иначе, будь это другая группа Академии. Я этому рад.

– Я не знаю, как двигаться дальше, и мне не нравится бездействовать, если я не уверена в себе. Мальчики...

– Твои братья, тебе только братья, ничего иного. Вы родились из одной утробы. И потратил ли я в их кампании хотя бы половину времени, потраченного в твоей?

– Нет, – ответила Мэри.

– Ты выглядишь так, словно у тебя ещё остались сомнения.

– Я в порядке. Насчёт детей из Академии...

– Не меняй тему. У тебя остались сомнения, Мэри?

– Да.

– Попробуй их озвучить. Я бы хотел иметь шанс на них ответить.

– Я чувствую, что Вы могли говорить им, что они особенные, а со мной проводите время только потому, что мне требуется дополнительная практика и тренировки.

– Нет, Мэри. Нет, нет-нет, – сказал он. Я услышал раздражённый тяжёлый вздох. – Меня так застала врасплох эта идея, что я даже не знаю, что сказать.

– Я знаю, что это нечестно, – голос Мэри был таким тихим, что я едва её слышал. – Нет правильного ответа, Вы не можете сказать ничего, что могло бы заставить меня чувствовать

себя лучше. Они вложили в мою голову яд, и я не хочу, чтобы яд выливался в это. На нас, нашу семью, наш дом.

- Расскажи мне. Делись со мной своими тревогами, когда они появляются. Я знаю, что наша задача заставляет чувствовать одинокость. Я полагаюсь на тебя и твоих братьев, как на свои руки, пока исправляю свою работу. Я надеюсь, что ты можешь настолько же полагаться на меня.

Её ответ был тихим, я не расслышал.

- Хорошо, - сказал он. - Это я и хотел услышать.

- Что мы будем делать?

- Твои братья ничего не знают?

- Да.

- Для начала исправим это. Я рад, что ты пришла, но насколько ты особенная для меня, настолько же я забочусь и о твоих братьях.

- Да.

- Мы не можем ничего сделать с неизвестным членом группы. Учитывая твоё описание, я, полагаю, она лучше защищена от контрмер.

- Я думала над этим. Без возможности общения она тоже неспособна что-либо сделать. Дети из Академии должны передать ей информацию, с которой ей необходимо работать, что бы попытаться обнаружить нас. Если мы будем ждать и следить, они однажды выведут нас на неё.

Я хотел засмеяться. Какая ирония.

- Мальчик, Гордон, он физическая угроза?

- Я не знаю, можно ли его так назвать. Он сильнее, чем выглядит. Он проложил себе путь через закрытую дверь. Сильвестр, тот, с которым я говорила, сказал, что нам следует его остерегаться. Описал его как кого-то способного во всех областях, но без таланта в любой из них, или что-то вроде того. Физическая доблесть.

- Остерегаться. Ты ему поверила?

- Нет. Не совсем. Но он сказал, что Гордон придёт за Вами, если узнает кто Вы.

- Они придут, и он придёт, думаю, - сказал кукловод.

- Я не хочу этого.

- Как и я. Но не вижу какого-либо пути. Так работает Академия, но как мы не можем винить дождь, так мы не можем винить и Академию, за то, что она такая, какая есть.

- Мне нравится дождь, - сказала Мэри, её голос был самую малость громче, чем раньше.

Я сидел сбоку от окна, на расстоянии, при котором мог смотреть только на его раму, нежели в само окно, но квадрат оранжевого света изменился, когда голова и туловище Мэри

преградили его часть.

Она была в полуметре от меня и даже не знала об этом.

Одной рукой я закрыл участок другой своей руки, где она была чувствительна, поскольку холод был практически невыносим. К несчастью, тыльные стороны моих рук пострадали сильнее всего и холодный дождь, словно превращал их в нарезку.

Свет снова изменился. Кукловод тоже подошёл ближе к окну.

- Мгновение назад ты сказала, что испугана. Впервые?

- Да.

- Страх пускает корни в неизвестность. Я думаю, поэтому великие умы находят такую необоснованную уверенность в процессе его устранения. Они встречаются с неизвестным, они покоряют его, и они убавляют его до тех пор, пока он не потеряет своё влияние, и даже потом они продолжают идти вперёд.

- Когда Вы говорите «великие умы», Вы включаете себя в их ряды?

- Нет.

- А я бы включила, - возразила Мэри без колебаний.

- Ты пристрастна. Кто-то может назвать меня умным, и я могу с этим согласиться, но я бы не назвал себя великим. Мы останемся в стороне.

- Простите.

- Я не собирался делиться этим с тобой. Не потому, что я что-то скрываю, но потому что я не вижу нужды в этом. Но если это поможет тебе пройти через неизвестность, то в этом есть нужда. Я могу не знать, кто они, но я знаю что они. Или же ты видишь иной путь?

- Дети Академии?

- Да. Больше десятилетия назад я был связан с Академией.

- Связан?

- Система и структура были другими. Тогда места было больше чем студентов. И они открыли двери, впустили некоторых.

- Вас? Правда?

- Я был одним из таких. Не настоящий студент. Я не заплатил за обучение и никогда не имел бредовых надежд стать выпускником, учителем или профессором. Они оставляли нам отходы и когда классы не были полны говорили, что мы можем драться друг с другом за то, чтобы занять дополнительные места. Мы могли использовать библиотеки, и нам приходилось тратить определённое количество часов на обслуживание Академии. Все и каждый из нас знал, что как только заплативший студент пройдёт через дверь, в то же мгновение один из нас через неё уйдёт. Те из нас, кто выдерживал это, справлялись потому, что у нас была жажда к этому.

- Почему?

- Почему у нас была жажда или почему мы это делали? – спросил кукловод.

- Почему вы это делали? Как вы могли выдержать статус второсортных граждан?

Это тебя раздражает? Думаешь, что если люди узнают что ты такое, они поставят тебя на ступеньку ниже «настоящих» людей? Думаешь, ты просто продукт производства? Вещь?

- Нам говорили, что нас учат на ассистентов. Чтобы мы ориентировались в лаборатории и книги, чтобы мы знали, когда и как часто нужно что-то помешивать, или как быть полезным говорящим бревном для настоящих великих умов, когда они будут обсуждать проблему. Каждое место, что нам удавалось забрать, прибавляло доллар к нашей стоимости.

- Так странно слышать от Вас об Академии в таком виде. Вы ненавидите их.

- Да. Но это не значит, что я не ценю знания или образование. Я получил своё место в Мотмонте. Всё, что они обещали, оказалось правдой.

- Но.

- Мы сходим с темы, – сказал он.

- Я спросила не об этом.

- Я даю тебе другой ответ на другой вопрос. Послушай, мне удалось обменять свой путь на место в классе, который, я думаю, называется «Прикладным Умом». Нам выдали проекты. Коллективное решение проблем, заявки. Студенты работали в группах, я был в паре с другим нестудентом-студентом. Он потерял своё место, оставив меня совершенно одного. Мой проект был дилетантским, скорее концептом, чем что-то близкое к должному исполнению. Но я сидел вместе с целым классом, и я получал зацепки в чужих работах. Они заставляли нас соблюдать тишину, но не могли полностью заткнуть двадцать пять студентов в классе на шестьдесят человек. Время значило слишком многое с появлением первых особых проектов.

- Вы говорите о детях Академии? Они работа другой группы?

- Да, думаю да. Ты уже сама натолкнула меня на это. Я остался ещё на год занятий и слышал, что проект провалился из-за недостатка жизнеспособных результатов. Умерли в утробе. Я видел, насколько подавленными были некоторые студенты, и верил в это. Я слышал, что ведомство урезало большую сделку, и в это тоже поверил. И всё ещё верю. Я обращал на это внимание ещё два месяца, а потом моё место забрали.

- Они не просто особенный проект, они секретный проект?

- Один из нескольких. Но, учитывая то, чем ты со мной поделилась, те детали, над которыми я успел поразмыслить в редкие моменты, когда ты останавливалась отдышаться, я сомневаюсь, что эти дети Академии были неудачным проектом.

- Неудачным?

- Просто сомневаюсь. Финансирование потрачено, ведомство урезано, но несколько проектов живы и стоимость продолжения работы проекта относительно мала. Возможно другим потерпевшим неудачи дали второй шанс из-за небольшой стоимости их проектов. Это бы объяснило, почему группа была больше, чем должна была быть. И потому неудачный проект продолжили поддерживать, пока были свободные средства для продолжения его развития, и

использовали его в любое соответствующей ситуации.

- Он сказал о том, что был ранен, и что это было недавно. Я не думаю, что мы их первое дело.

- Но это также и не значит, что они уникальный проект, - сказал кукловод.

- Верно.

- Я был там для создания концептов, коллективного решения проблем, и для обсуждений. Всё, что я узнал, так это то, что кричащих успехов не произошло и очень много людей были разочарованы. Не думаю, что я получил там ещё хоть что-то, стоящее упоминания... ну, за исключением одного, конечно.

- Одного?

- Тебя, Мэри. Твоих братьев. Вы мой проект. Зачаток идеи родился тогда. Он оставался со мной несколько лет, пока у меня не появились причины для его исполнения.

Мэри была безмолвна.

- Вы были риском. И всё ещё им являетесь, но тогда, помнится, я уснуть не мог. Я пытался продвигать два проекта, но у меня было время только на одну задачу. Мне было необходимо сделать выбор. Последовать инструкции и заняться слабой идеей или я мог представить вас, зная, что вы новы в подходе, понимая, что обречён на увольнение из-за несоответствия правилам.

- Он сказал... Сильвестр сказал, что Академия награждает инновации

- Да. Он прав и, наверно, поэтому я решился на то, что сделал. Произошедшее тогда я посчитал великим делом. Что я сделал иначе, так это дал второй шанс. Тогда я решил сделать всё как хотел сам, за что они никогда не смогут меня простить.

- Потому что они хотели управлять, - предположила она.

- Да. Они награждают инновации, но контроль они ценят ещё больше. Разум, переполненный идеями, лелеют там до тех пор, пока он остаётся там. Внутри или с Академией. Здесь? На расстоянии руки? Таких не лелеют, таких презирают. Вот каков наш враг.

- Чуть меньше неизвестного, - сказала Мэри.

- Да. Теперь ты знаешь зачем, и что они делают. У тебя есть чувство того, кто они. Неудачное рискованное предприятие. Избавило ли это тебя от страха?

- Да.

- Твою руку, - сказал он. Затем была пауза. - Посмотри, прочна как камень. Рука сама по себе, оружие, но её достаточно, чтобы поддерживать твоих братьев. Я иду в школу, и ты идёшь со мной.

- Вы идёте в школу? - спросила она, и голос её был никаким иным, кроме как спокойным. С таким же голосом она следовала инструкциям.

- Куда я должен пойти по-твоему?

– Куда угодно, но не в школу.

– Ты же не думаешь, что они меня найдут? Или, что они послали за нами кого-то ещё? Мне безопаснее всего в твоей кампании, в прикрытии толпы, там, где я могу использовать власть члена школьного факультета. Пока я там, я обладаю сразу тремя этими пунктами, но там я надолго не задержусь. Ты не можешь общаться с братьями, пока дети Академии знают твоё лицо. Так что оставь это на меня.

– Мне это не нравится.

– Я так и думал. Ты всегда была самой заботливой.

– Но Вы всё равно пойдёте?

– Я не вижу иных способов это сделать. Поверь мне, Мэри. Я дал тебе множество талантов, но я и сам не бездарен. С этим я справлюсь.

– Я не хочу, чтобы Вас ранили. Я не боюсь за себя, но боюсь за Вас настолько, что голова едва работает!

– Мэри...

– Пожалуйста. Вы создали меня, Вы вырастили меня. Я никогда не возражала. Я делала всё, что Вы попросите. Позвольте мне решить хотя бы раз.

– Ты хочешь, чтобы я бросил твоих братьев?

– Вы сказали, что они не жизнеспособны. Они знают, что делать. Они выполняют свои задачи. Пойдём. Уйдём, заберём заметки, сольём баки, сожжём дом, чтобы устранить улики. Академия нас не поймает, если мы сделаем это быстро.

– Я не стану этого делать.

– Вы говорили, что это о Вас и обо мне. Сказали, что я буду с Вами как старшая сестра всех жизнеспособных. Сделайте это ради меня, докажите это. Докажите это.

– Если я пожертвую твоими братьями, чтобы спасти собственную шкуру, ты всё время будешь подозревать, что я бы сделал то же самое с тобой.

– Нет. Не буду, я обещаю. Пожалуйста, не позволяйте тому, что он сказал исполниться. Докажите, что Вы правы. Докажите!

– Мэри...

– Докажите!

Теперь её слова были на грани неистовости.

Абсолютным контрастом был голос кукловода, тихий и вытянутый, произносящий по несколько слогов, которые я не мог объединить в слово. Бессмысленное ритмичное бормотание.

Мэри стихла.

Кодовая фраза? Спланированное нечто, составленное как что-то, что не произносят в ежедневных разговорах.

Я услышал шум, но учитывая тяжёлые шаги и треск, это был он, только он один. Шум бумаг, стук, шаги исчезли в другой комнате, скорее всего этажом ниже.

Почти минута прошла, прежде чем он вернулся.

– Возьми, – сказал он. – Пей. Продолжай пить... так. Ты устала и обезвожена. Это была длинная ночь. Закончим собирать оружие и инструменты, и уходим, как только я возьму пальто.

– Я... – Мэри замерла. – Я не...

Колеблется гораздо сильнее, чем полторы минуты назад.

Что именно произошло?

Могу ли я как-то это использовать?

Я переместился, схватившись за скользкий от дождя подоконник, вытянувшись вперёд-назад, чтобы бегло осмотреть большой дом и найти дверь.

Я скользил не меньше, чем полз, перетягиваясь по стене под окном, чтобы попасть на другую сторону, ещё больше трудностей доставляла папка с файлами, всё ещё занимающая одну мою руку.

Моя форма была грязной, и она была не просто испачкана, пока я полз под дражкой, грязь впилась в саму ткань. В темноте я нашёл файл Перси и сунул его в карман брюк. Остальные я зажал зубами.

Я прислушивался и ждал, когда кукловод продолжит говорить. – Нужно, чтобы ты сосредоточилась. Это была длинная ночь, но твоё благополучие, как и моё, зависит от твоей внимательности. Напомни, почему ты моя лучшая работа.

– Да, – сказала она, и слова были тёплыми от гордости, но в то же время самую малость слабы. Что бы он ей не сделал, она всё ещё отходит от этого.

Я убедился, что моя позиция безопасна и затем отодрал край дражки, в том месте, где из-за дождя она стала мягкой, после чего протянул его над сточной канавой.

Я сделал то же самое со следующим по длине куском, хотя на него потребовалось немного больше сил.

Каждый кусочек был толщиной примерно в восемь листов бумаги, шириной в два пальца и различной длины, все были шершавыми как наждачная бумага.

Каждый кусок дражки отправился в коробку.

Я продолжал прижиматься, прекращать и продолжать подслушивать, но ничего не слышал. Больше дражки отправлялось в коробку, но она была не больше кирпича, и потому вскоре я достиг точки, при которой скорее вжимал их внутрь, чем бросал.

Я действительно не был хорош в драках, но это не значило, что у меня не было достоинств.

Трюк был в том, чтобы избежать настоящей драки.

Я пожал плечами, и для этого пришлось их напрячь. Руки замёрзли.

Дверь открылась подо мной, и в моём рвении среагировать, я чуть не бросил себя вперёд, через водосточную канаву и два этажа.

Я приподнял коробку с файлами. Тяжёлой она не была. Два-три килограмма. Немного больше кирпича и примерно того же веса.

Пока Мэри отходит от чего бы ни сделал с ней кукловод, она может не успеть среагировать. Мне пришлось измерить свои возможности, поверить в свои способности и пронаблюдать за тем, как они отходят от двери, после того как кукловод её закрыл.

Сперва я бросил беглый взгляд на мужчину. Высокий, волосы были зачёсаны назад и похожи на два рога, указывающих за его спину. Полосы седины шли от висков назад. Его лицевой волосяной покров, без усов, настолько же указывал вперёд, насколько волосы назад, борода удлиняла и без того вытянутое лицо. На нём была длинная прилегающая куртка, выделяющая его высокий рост и очень тощее телосложение. Она была похожа на лабораторный халат, но только не была им, очень модная, чёрная. Она говорила о нём больше, чем что угодно ещё.

Если сложить всё вместе – он был тщательным. Это было первое и последнее слово, блеснувшее в моей голове.

Я слышал его уверенность, когда он рассказывал, как стоял за себя в школе. Я знал, как трудно будет его достать или угнаться за ним, используй он доступные ресурсы и сбеги в другой город.

Мэри не до конца поверила ему, когда он сказал, что будет в порядке.

Я поверил.

И потому я убрал коробку и разбил ей окно.

Я увидел, как он остановился, повернулся. Мэри тоже повернулась, но реакция была медленной.

Я видел Гордона в драке. Были моменты, когда он ударял противника, пока тот поворачивал голову, из-за этого удар был сильнее. Я влюбился в этот приём и пытался его повторить в драке на кулаках, но только получил несколько ударов по рёбрам.

В этот раз это была просто случайность, но она произошла из-за него. Его голова повернулась, и он взглянул вверх, на меня, а коробка-кирпич уже покинула мою руку. Он повернулся лицом прямо на неё.

Разлетелись тёмные брызги, которые могли быть кровью, а затем его зад встретился с мокрой тропинкой между дверью и дорогой.

Я хотел выкрикнуть о своей победе в ночное небо, засмеяться над успехом, которого достиг мгновение назад, но это могло испортить эффект.

Лучше было оставаться маленькой, тёмной, грязной, мокрой фигурой у крыши, и следить, смогу ли я пробудить капельку страха Мэри вновь. Страху передо мной, страха за безопасность

её кукловода.

Я видел, как она согнулась, застывшая между слежением за мной и помощью кукловоду.

У неё было оружие, я знал. Она могла бросить топор, ножи, без вопросов.

В соревновании по метанию она была обязана победить.

Я должен был воспользоваться давлением. В мгновение, как это превратится в соревнование силы, победа будет за ней.

Я добрался до разбитого окна, разочаровавшись тем, что света не было, и на ощупь наткнулся на бутылку, в которой оставалось несколько глотков вина.

Мэри встала между Перси и бутылкой, сгорбилась так, что бутылка разбилась о её плечо. Верхняя часть исчезла где-то в траве.

Ирония была в том, что если бы она не подставилась, я бы промазал.

Я нашёл книгу и бросил её, но она открылась в полёте и улетела в сторону. Она приземлилась в метре, слева от них, справа от меня.

– Я убью тебя, – её голос прорвался через шум дождя.

– Попробуй, – сказал я, нащупывая следующий предмет, который мог бы бросить. – Приди за мной. Мы можем поиграть в прятки и в момент, когда ты потеряешь мой след, я буду перерезать ему глотку.

Я поднял открыватель писем.

Ей не обязательно было знать, что он был не очень острым. Ей только нужно было знать, что у меня есть оружие.

Но жест оказался ошибкой, он дал ей возможность атаковать в момент, когда не требовалось защищать кукловода. Я даже не заметил её ладонь, нож, да и вообще движений тела.

Не полностью удивлённый, я вяло сдвинулся в другую сторону окна, придерживаясь за верхнюю часть его рамы.

Она уже готовилась метнуть вновь. Два ножа за раз?

Я взмахнул рукой вновь, в надежде, что она ошибётся. Но я её сильно недооценивал. Первый нож вонзился в оконную раму в сантиметрах от моего лица. Чуть быстрее, и он бы вонзился в меня.

Второй нож... я не почувствовал и не услышал, как он вонзился, и недостаток восприятия покрыл тот «инстинкт добычи», о котором говорил Джейми.

Чувство, что что-то не так.

Она притворилась, что бросила два, но другой она сдержала. Прежде чем я полностью понял, что чуть не прыгнул прямо на нож, она бросила его простым, чётким движением. Без красивых взмахов или вкладывания в бросок всего тела. Движение, которое я бы упустил, не будь всё моё внимание сосредоточено на ней.

Она нацелилась на...

Полу сформировавшейся мысли было достаточно, чтобы я отпустил оконную раму и обе мои ноги приземлились в водосточный канал, а голова ударилась о подоконник.

Нож застрял там, где только что была моя рука. Пока я передвигался со стороны в сторону, другая моя рука оставалась на месте, удерживая меня от падения.

В этот раз моё внимание было сфокусировано на движениях её рук. Они метнулись к нижней части её формы и пальцы загнулись внутрь, удерживая, вероятно, ещё один метательный нож.

Я ухмыльнулся. – Я видел. Недостаточно неуловимо.

– Не трать их впустую, – сказал кукловод, подняв одну руку к лицу, но тут же её убрав, все пальцы были в крови. – Он дразнит тебя.

– Он ублюдок, – сказала она.

– Я никогда и не пытался быть кем-то ещё, – сказал я и схватился за подоконник, найдя большой кусок стекла. Я бросил его в неё.

Она заблокировала его так же, как и бутылку, вздрогнув, когда он разлетелся. Один из её глаз остался закрытым, когда она опустила руку.

– Пойдём, мы ничего не добьёмся, если продолжим стоять. Я могу идти, – я услышал слова кукловода. Он поднялся, и Мэри быстро подставила всё своё тело под его руку, помогая ему подняться и пройти несколько шагов.

– А как же лаборатория? – спросил Мэри, посмотрев на меня.

– Считай, она уже пропала, – сказал кукловод, пробормотав часть звуков. Удар, похоже, пришёлся на скулу и нос, но ещё как-то повлиял на его речь. Кожа была сильно порвана и разорвана по краям, похоже, её зацепил кусок дранки. Как пилой.

Видимо неплохо я его зацепил.

Но это не было чем-то, отчего мне хотелось бы заликовать. Удовлетворение было прохладнее, тише.

– У Вас не все Ваши работы, – сказала Мэри.

– У меня достаточно, чтобы было с чего начать. Если он хочет уничтожить их, то пускай. Выживание первостепенно и это включает тебя, Мэри.

Услышав его, я чуть ему не поверил. И поверил бы, если бы не услышал специальное слово, которое потом подметил.

Я вытащил ещё один кусок стекла, который держался на одной лишь краске. Я не был достаточно силен, чтобы бросить его на большое расстояние, не потеряв при этом всей меткости. Они были слишком далеко, уже стояли на улице. Мэри и её хромой кукловод.

Она смотрела на меня одним глазом, другой оставался закрыт.

Они развернулись, и она наблюдала за мной, поддерживая кукловода на дороге,

направляющейся к школе.

Я считал секунды, между её взглядами на меня.

Раз, два, три... взгляд.

Раз, два, три... взгляд.

Раз, два, три, чет... взгляд.

Раз, два, три, взгляд.

Раз, два, три, четыре, пауза для вдоха, продолжительный взгляд в моём направлении.

Раз, два, три, четыре, взгляд.

В мгновение, как она отвернулась, я задвигался. В сторону, чтобы между нами оказался угол здания, а затем стена здания. Это был безрассудный, бессистемный спуск, я скорее падал, чем спускался, останавливая себя вновь и вновь, хватаясь за раму окна и ветви.

Дать мотыльку огонь, за которым он может последовать, это одно. Создать желание и исполнить его, уничтожить добычу в конце.

Другим было оставить врагу всего один путь, и следовать за ним.

Я не был сильным. Возможно, никогда не буду. Гордон бы разmozжил ему голову той коробкой. Чёрт, да даже Хелен могла бы. Джейми мог нанести больше урона, но, вероятно, не попал бы. Я, по крайней мере, ранил кукловода. Человечество существует уже давно и в его истории существовали охотники, преследовавшие раненных зверей километрами.

Он и так хотел отправиться в Мотмонт и собрать мальчиков, его трёх других убийц. Теперь Мотмонт был единственным близким местом, где он мог позаботиться о своём раненом лице.

Девять к одному, что он это сделает. Один к девяти, что этот удар по голове заставил его полагаться на Мэри.

Это означало, что мне не обязательно именно следовать. В этом был риск, учитывая, как хорошо маленькая Мэри кидается всяким в людей. Лучше держаться позади, следить за флангами и продвигаться с осторожностью.

Если я их догоню, то никак повлиять на ситуацию мне не удастся. Если я задержусь, потеряюсь из вида, то она будет размышлять и это размышление очень полезный инструмент. Это делало каждый её выбор сложнее, добавляло варианты, которые следовало учитывать. Каждый шаг ей придётся оглядываться.

Приближаясь к школе, я остановился там же, где меня высадили из кареты, и осторожно выглянул из-за угла.

Кукловод был один, его ключи звенели перед закрытыми воротами.

Я тут же начал вертеться по сторонам, смотрел, искал.

Мэри нигде не было.

Хочешь поиграть, Мэри? – подумал я.

Я действительно надеялся, что её привязанность к кукловоду не позволит ей отдалиться от него. Но она придерживалась плана. Я не мог пойти за ним, рискуя быть убитым Мэри, как она и обещала у дома Перси.

Я разозлил её настолько, что она очень, очень желала моей смерти, и не станет колебаться при первой же возможности.

Я мог пойти прямо за кукловодом, но это было рискованно. Была ли Мэри близко? Пряталась? Перехватит ли она меня? Она была на несколько сантиметров выше, натренирована, отточена, и я не думал, что смогу её перегнать, если до того дойдёт.

Мне не нравился этот риск.

Он всё ещё искал правильный ключ, когда ворота открылись.

Это был директор.

– Мистер Перси! – воскликнула она. – Я посмотрела через окно и подумала, что это бродяга. Что случилось?!

– Чувствую себя лучше, чем выглядит, – пробормотал он, прокашлялся и сплюнул. – Бандит подстерёг меня на улице.

– Господи помилуй, заходите внутрь. Мы вас подлатаем.

Я услышал, как ворота закрылись и клацнули. Это было знаком того, что мне нужно идти, дважды проверив, нет ли рядом убийственной Мэри, после чего направиться к тому же окну, через которое я покинул здание.

В моих туфлях была твёрдая подошва. Я их снял. Комфорт был второстепенным, когда требовалось идти тихо.

Если я смогу пройти мимо Мэри и достать Перси, я победил. Если Мэри доберётся до любого из нас, ну, может, за исключением Гордона и, очень вероятно, Хелен, нам конец. Нам никогда не получить преимущества, если один из нас выйдет из игры. Если она достигнет своей группы, у неё будет огромное преимущество. Если я достигну свою... ну, мы сгруппируемся, и я поделюсь всем, что знаю. В такой ситуации как эта, их комбинированная сила выше нашей.

Игра была односторонней. Она, с арсеналом ножей и чего угодно ещё, и я, с открывателем писем и знанием о том, что она напугана, хотя она просто пыталась показать это своему создателю.

То, что он пытался ей сообщить, не следует сбрасывать со счетов нашей маленькой тёмной игры.

Я улыбнулся сам себе и сорвался к закоулку здания.

<http://tl.rulate.ru/book/6109/120821>